

сыграли на жилах

в Большом зале Консерватории исполнили «Страсти по Иоанну»

ГЮЛЯРА САДЫХ-ЗАДЕ

Отзвуком протестантской музыкальной традиции в панораме Пасхального фестиваля стало исполнение «Страстей по Иоанну» Иоганна Себастьяна Баха в сдержанно-аутентичной трактовке немецких музыкантов: кельнского камерного хора и барочного оркестра Collegium Cartusianum под управлением Петера Нойманна.

Впрочем, накрепко привязывать опус Баха к протестантизму явно не стоит: это сочинение насыщено таким высоким гуманистическим пафосом, в нем столько человеческого тепла и настоящего театрального драматизма, особенно в речитативах, что оно выбивается за рамки конфессиональной принадлежности. Да и форма Passion, избранная Бахом, строго говоря, вовсе не канонически-церковная, а концертная. И потому изобилует пышными эффектами и образами, в которых типологическое доминирует над частным, что приближает «Страсти» к барочной опере и оратории одновременно. «Страсти по Иоанну» продолжили репертуарную линию, начатую Филиппом Херрвегом и коллективом Collegium Vocale Gent еще на прошлом фестивале. Херрвеговская лучезарная интерпретация «Страстей

Кельнский камерный хор и оркестр Collegium Cartusianum под управлением Петера Нойманна сорвали овацию фестивального зала Фотограф: Роман Гончаров

по Матфею» тогда, помнится, тронула до слез: поданная просто и проникновенно, история страстей Христовых представляла в череде выразительнейших звуковых картин.

Эта вершина так и осталась непревзойденной. Кельнские музыканты при всем их профессионализме и старании не могли достичь той всепроникающей нежности и задушевности, которая для Херрвега-музыканта естественна, как дыхание. Конечно, и немецким гостям кое-что удавалось не расплескав донести

до зала. Особенно во второй части, когда музыкальный пульс и темпоритм музыки учащаются, а накал событий выплескивается в череде взволнованных, экспрессивных хоров и возбужденно-патетических арий. Но в целом исполнение оставило публику холодной. Это не значит, что зал проводил музыкантов вежливыми аплодисментами. Напротив, публика повскакала с мест, кричала «браво» и неистово хлопала в ладоши. Однако наша публика вообще склонна к умеренным, подчас неоправдан-

ным восторгам. В данном случае реакция зала была не показателем успеха, а скорее долгожданной разрядкой засидевшихся на своих местах слушателей: как-никак «Страсти» продолжались два с половиной часа.

Петер Нойманн, руководитель и основатель кельнского хора, привез в Москву вторую, практически неизвестную у нас редакцию «Страстей». Сочинение начинается непривычно, совсем не с того хора, который ожидаешь; далее вставлены две абсолютно незнакомые арии тенора

«Разбейте в прах меня, скала и камни» и «Не мудрствуйте, надломленные души». Как известно, музыкальное повествование идет у Баха как бы в трех планах: от лица тенора-Евангелиста (его партию блестяще исполнил Маркус Брутчер); в прямом действии, где ситуации театрально «разыгрываются» между Иисусом (Йорк Феликс Шпеер), Понтием Пилатом (Штефан Маклеод) и хором. Над действием, давая философски-осмысляющий комментарий происходящему, парят хоралы. Чуть ниже эмоционально проживают случившееся солисты, исполняя по-барочному виртуозные арии «состояний».

Слоистая композиция сочинения сообщает действию многомерность: кажется, время течет по-разному в каждом из уровней сочинения. Эта темпоральная полифония между вечным и преходящим, временем ситуативным и временем историческим — есть главное и гениальное открытие Баха в этом сочинении. В конце концов сама музыка, полная многосложной музыкальной символики и барочной риторики, властно завладела вниманием зала. И захватила настолько, что примирила и с вяло-блеклым «аутентичным» звучанием оркестра, играющего на жильных струнах и блок-флейтах. И с не всегда стройно звучащим монотонным хором; и с огрехами, обнаружившимися в пении альты (Аннетте Маркерт), голос которой на верхах и низах практически не был слышен. Гениальную музыку вообще трудно испортить: тут даже посредственное исполнение бессильно.